

Шеметова Тамара Алексеевна

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОЙ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ С КИТАЙСКОЙ
ПРОВИНЦИЕЙ СИНЬЦЗЯН В НАЧАЛЕ 20-Х ГГ. XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В данной статье на новом источниковом материале рассматривается вопрос о восстановлении ярмарочной торговли в советско-синьцзянском приграничье в начале 20-х гг. XX века. Анализируется роль ярмарок в возобновлении торговли СССР и китайской провинции Синьцзян.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/54.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 209-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**FOREST MANAGEMENT SYSTEM TRANSFORMATION
WITHIN THE USSR AT THE BEGINNING OF THE 1930S****И'ya Romanovich Shegel'man***Department of Technology and Forest Complex Equipment
Petrozavodsk State University
shegelman@onego.ru***Oleg Igorevich Kulagin***Department of Pre-Revolutionary Russian History
Petrozavodsk State University
olkulagin@yandex.ru*

The authors describe the most significant stage in forest industry development history of the country at the beginning of the 1930s, when directive-command and punitive-repressive systems were adopted as economic management basis. These systems contributed to the country industry and uninhabited areas development but at the same time extensively used prisoners and deportees' compulsory labour.

Key words and phrases: forest management; compulsory labour; management system; transformation.

УДК 94(470)

В данной статье на новом источниковом материале рассматривается вопрос о восстановлении ярмарочной торговли в советско-синьцзянском приграничье в начале 20-х гг. XX века. Анализируется роль ярмарок в возобновлении торговли СССР и китайской провинции Синьцзян.

Ключевые слова и фразы: ярмарки; СССР; Синьцзян; торговля.

Тамара Алексеевна Шеметова, к.и.н., доцент*Кафедра всеобщей истории**Алтайская государственная педагогическая академия**m-ari-n@yandex.ru***ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОЙ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ С КИТАЙСКОЙ
ПРОВИНЦИЕЙ СИНЬЦЗЯН В НАЧАЛЕ 20-Х ГГ. XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[©]**

В последнее время появились исследования, посвященные ярмарочной торговле в России в целом и регионах в частности, охватывающие, как правило, XIX – начало XX века [9]. Развитию ярмарочной торговли в постреволюционный период не уделялось большого внимания. Например, в отечественной историографии до сих пор отсутствуют специальные исследования, посвященные работе ярмарок в 20-30-е гг. XX века в приграничных районах с крупнейшей провинцией Синьцзян. Определенное исключение составляют работы З. Моглина, С. Перского и некоторых других авторов, которые, однако, вышли в свет в период рассматриваемых событий [2, с. 86; 5, с. 191-194]. В них приведены интересные статистические материалы и, в частности, объемы продаж, но значения деятельности этих ярмарок авторы не касались. Лишь в работах 1990-2010-х гг. известных исследователей В. А. Моисеева и В. А. Бармина, посвященных торгово-экономическим и политическим отношениям в Китае, указывается на значительное влияние ярмарок, на оживление советско-синьцзянской торговли [1, с. 72-73]. В данной публикации на новом источниковом материале анализируется возникновение и развитие ярмарочной торговли в советско-синьцзянском пограничье, значение и роль ярмарок. В частности, корректируются некоторые промежуточные выводы. Например, не столь однозначны выводы по влиянию указанных ярмарок на развитие торговых отношений между СССР и провинцией Синьцзян в период их восстановления и причины фактического срыва ярмарочного сезона 1924 года.

В дореволюционный период ярмарки играли большую роль в хозяйственно-экономической жизни сопредельных с Синьцзяном российских территорий. Особое место занимали приграничные ярмарки. Являясь центрами торговой деятельности в приграничье, они служили местом концентрации и сбыта продукции скотоводческого хозяйства: лошадей, крупного рогатого скота, баранов, кожсырья, шерсти и др. Радиус их влияния был достаточно широк и включал как собственно российские регионы, так и зарубежье – Синьцзян. Самой обширной и крупнейшей по оборотам являлась Куяндинская (или Боговская) ярмарка, находившаяся в 40 верстах от города Каркаралы Семипалатинской губернии [4, д. 463, л. 68]. Ее влияние не ограничивалось ближайшими Семипалатинской, Акмолинской и Семиреченской областями, но включало в свою сферу Зауралье, Поволжье, районы российской Центральной Азии и даже Москву, Петроград. В работе этой ярмарки самое активное участие принимало и купечество китайской провинции Синьцзян, куда также отправлялись товары.

Не менее значимой в указанный период являлась Каркаринская ярмарка, располагавшаяся в 80 км к востоку от г. Пржевальска Верненского уезда, выгодность которой определялась близостью китайской границы. Синьцзян, отрезанный от остального Китая пустыней Гоби, экономически тяготел к Джетысу (Семиреченская область). Каркаринская ярмарка давала выход продукции российской промышленности на зарубежные рынки, а китайскому Туркестану предоставляла возможность сбыта своих сырьевых запасов [3, с. 1-2].

В годы Октябрьской революции и Гражданской войны в России фактически сошли на нет устанавливавшиеся торгово-экономические связи и, как следствие, прекратили свое существование и ярмарки.

Попытки реанимировать такую форму торговли как ярмарки начали предприниматься с 1923 года. К этому времени была прорвана экономическая блокада, и СССР был признан де-факто, а в отдельных случаях, как например, в отношениях с Германией и де-юре. Осуществляемая советским руководством новая экономическая политика давала свои результаты. В экономической сфере наметился рост промышленного производства. Это, в свою очередь, требовало увеличения поставок сырья, значительная часть которого в дореволюционный период поступала из Синьцзяна. В поисках путей увеличения таких поставок в Советском Союзе стали предприниматься попытки вернуть к жизни ярмарочную форму торговли. Советское государство было заинтересовано в возобновлении работы приграничных ярмарок еще и потому, что с их помощью было возможно привлечь к участию в торговле непосредственных держателей сырья – китайское купечество. Первым шагом в реализации данной задачи стало восстановление деятельности наиболее востребованных, благодаря географическому положению, Куяндинской и Каркаринской ярмарок. Политика советских властей была направлена на создание благоприятных условий для успешного развития деятельности этих ярмарок. Одним из этих условий стало предоставление льгот купцам, изъявлявшим желание осуществлять торговые сделки с советскими организациями в ходе ярмарочных торгов. Советские власти небезосновательно считали, что дальнейшее расширение предоставляемых китайскому купечеству льгот будет способствовать развитию торговли с китайской провинцией Синьцзян. Однако, вопреки устоявшемуся мнению, первый опыт возрождения ярмарок в 1922-1923 гг. нельзя назвать удачным. С одной стороны, проводимая властями СССР фискальная политика предоставления льгот имела положительный результат – на ярмарках появились купцы из Синьцзяна. С другой стороны, итоги работы ярмарок свидетельствовали о небольшом интересе купцов к этой форме сотрудничества, отсутствие которого было обусловлено недостаточным укреплением торговых отношений в самом начале практической реализации новой экономической политики в крае, а также отсутствием необходимого торгового опыта у организаторов ярмарок. Вполне возможно, что свою негативную роль сыграло осторожное и подозрительное отношение к НЭПу со стороны населения после нескольких месяцев проведения политики военного коммунизма.

Ярмарочный сезон 1924-го года дал определенную надежду на возрождение приграничных ярмарок. Предполагалось, что они повлияют на увеличение советско-синьцзянской торговли в целом. Например, торговый оборот Куяндинской ярмарки составил около 800000 рублей, Каркаринской - 400000 рублей [8, с. 1-2]. Но говорить о возрождении ярмарочной торговли и о ее значительной роли в развитии товарообмена с Синьцзяном в дореволюционном масштабе еще преждевременно. Только глубокий анализ и осмысление ошибок, допущенных в ходе их работы в 1924 году, а также расширение законодательной деятельности государства, направленной на создание благоприятных условий, могли в дальнейшем сделать более привлекательной конъюнктуру советского рынка и привлечь к работе ярмарок западно-китайских купцов. Однако объективного анализа ярмарочного сезона 1924 года у советской стороны не получилось. При рассмотрении данной проблемы звучала в основном односторонняя оценка неудач – обвинения китайской стороны. Основной причиной срыва работы и, как следствие, итогов ярмарочных торгов, по мнению советской стороны, являлась неудовлетворительная деятельность китайской администрации. Подчеркивалось, что советские власти сделали все возможное в организационно-подготовительном плане с целью создания необходимых условий для успешного функционирования ярмарок, и только действия властей провинции не привели к ожидаемому от ярмарок эффекту.

На это указывали в своих информационных материалах на имя Народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина агент Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) в Средней Азии И. Э. Герман, Уполномоченный по заключению Временного торгового соглашения с Синьцзяном Э. К. Озорнин, председатель ярмарочного комитета С. Перский и др. Их утверждения основывались, например, на том, что китайская администрация в категорической форме ответила отказом на просьбу: «...открыть границу для пропуска скота и сырья», а также «препятствовала поездкам на ярмарку местных купцов» [7, д. 3, л. 88]. В основе поведения китайцев, считал Э. К. Озорнин, было их желание ускорить подписание Временного торгового соглашения с СССР (переговоры по подписанию которого начались еще в 1923 году), отсюда политика «экономического» давления на советское государство, закрытие дуцзюном китайской границы, и «открытое нежелание западно-китайской администрации допустить выезд местного купечества на ярмарку» [Там же]. Китайские власти всячески тормозили выезд своих купцов в Советский Союз, «внушая им, что наши (т.е. советские) пошлины слишком высоки, и что они не будут гарантированы от реквизиции товаров», указывали на незначительность льгот, предоставляемых на ярмарке китайским купцам [Там же].

Одновременно власти провинции препятствовали проведению среди населения широкой пропаганды ярмарок и отказывались открывать другие пропускные пункты, кроме Хоргоса. Пропускной пункт Хоргос был открыт по Илийскому договору с Советской Россией в 1920 году, срок действия которого к рассматриваемым событиям истек. Отсутствие договора и правовой базы давало формальный повод администрациям

провинции проводить подобные мероприятия. В то же время общее торговое соглашение с Китаем еще не было подписано, а действие локального Илийского протокола, подписанного с Кульджинским округом в 1920 году, как уже отмечалось, закончилось. Результатом такой деятельности стал практический срыв ярмарки, так как китайские купцы стали поворачивать свой скот, первоначально направленный на Каркаринскую ярмарку, в Кашгар.

Вопрос об открытии границы вышел на первый план. Его урегулирование было поручено Э. К. Озорнину. В НКВД была отправлена телеграмма с просьбой «принять меры к открытию границы через тов. Карахана в Пекине» [Там же, л. 87]. По этому же поводу в Ташкенте 10 июля 1924 года состоялось заседание Экономической комиссии Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б). Итогом этого совещания стало принятие следующего постановления: «1. Предложить Агенту НКВД в Средней Азии обратиться в Пекин к тов. Карахану с просьбой потребовать от Китайского правительства открытия дополнительных пограничных пунктов в Синьцзяне, кроме Хоргоса, в Кольджате, Нарыне и др. 2. Предложить агентам НКВД через свои Полпредства в Средней Азии предъявить аналогичные требования местным китайским властям. 3. Пограничным органам ГПУ содействовать переходу из Синьцзяна скота и провозу товаров на Каркаринскую ярмарку независимо от разрешения китайских властей» [Там же, л. 85].

Из поступивших от Э. К. Озорнина телеграмм стало ясно, что решить проблему открытия границы, как и дополнительных пропускных пунктов, в рассматриваемый период не удалось. В первой телеграмме, датированной 19 июля 1924 года, он сообщал, что дущюн в ходатайстве об открытии пропускных пунктов отказал. Во второй депеше, от 22 июля 1924 года, докладывалось, что дущюн прямо заявил, что «он открыл бы все погранпункты, указанные в проекте соглашения, в случае его подписания» [Там же, л. 87]. Политическая борьба вокруг подписания Временного торгового соглашения с Синьцзяном привела к фактическому игнорированию китайской стороной Каркаринской ярмарки. Ярмарочный комитет в сообщении Комивнуторгу недвусмысленно подчеркивал, что «неприбытие скота из Китая сильно отразилось на оборотах ярмарки» [Там же]. Этот факт подтверждал и его председатель С. Перский в телеграмме от 27 июля 1924 года за № 200, отправленной Турккомвнуторгу: «...на ярмарке было закуплено скота рогатого 33000 пудов на сумму 59000 рублей, мелкого скота 6000 голов на 30000 рублей, 200 пудов шерсти на сумму 10000 рублей, кишки 2200 штук. Продано госорганами мануфактуры на 63000 рублей, посуды на 4000 рублей. Частные обороты – 8000 рублей. Начинают прибывать частные купцы Ферганы, Ташкента. Препятствия, чинимые Китаем, сильно отразились на оборотах ярмарки» [Там же, л. 84]. Указанные в телеграмме суммы реализованных сделок явно не соответствовали предварительным прогнозам по торговому обороту. По сведениям, полученным из Синьцзяна, ожидаемый приток на ярмарку должен был составить около 40000 баранов, 2000 лошадей, 3000 пудов джебаги (овечьей шерсти весенней стрижки) и большое количество кожевенного сырья [3, с. 1-2]. Перспективы участия китайского купечества в работе ярмарки, как и ожидаемый товарооборот, не оправдались. В этом смысле можно согласиться с выводом агента НКВД в Средней Азии И. Э. Германа, что Каркаринская ярмарка в 1924 году не удалась, и в основном, как видно из анализа источников, по вине китайской стороны.

Между тем ряд источников позволяет сделать и иной вывод о том, что и некоторые просчеты советской стороны оказали негативное влияние на проведение и итоги ярмарочных торгов как в плане их привлекательности для китайских торговцев, так и результатов влияния на расширение советско-синьцзянских торговых отношений. Например, те же Э. К. Озорнин и И. Э. Герман, соглашаясь с правильностью решения Советского Союза о прекращении переговоров в Урумчи в связи с подписанием договора с центральным китайским правительством, высказывали сомнение в правильности столь поспешного прекращения переговорного процесса. Они считали, что в принятом советскими властями решении прекратить переговоры в Урумчи «недоставало некоторой последовательности и гибкости». Как считал агент НКВД, «может быть, следовало бы поставить вопрос перед тов. Озорниным об известных модификациях некоторых статей проекта соглашения, об изменениях последнего в аспекте договора о признании СССР Китаем» [7, д. 3, л. 86]. В этом случае можно было надеяться, что «мы не наблюдали бы той системы нажимов, которую практикует в данное время Синьцзянская администрация (не пропуск товаров и купцов на Каркаринскую ярмарку и третирование уполномоченного в Чугучаке)» [Там же, л. 18].

Были промахи и в организационном плане. Об этом свидетельствует содержание характеристики ярмарки, данной председателем ее оргкомитета С. Перским. Каркаринская ярмарка, сохранившая, как и в прошлые годы, скотско-сырьевой характер торговли, имела в 1924 году свои особенности. Ее работа проходила в период, когда проводилась в жизнь торговая политика Наркомвнуторга, направленная на вытеснение с рынка частного оптовика. Вся ярмарочная торговля протекала между государственными и кооперативными органами и непосредственно сбытчиками: производителями сырья и скотоводами. Торговля частных лиц охватывала только «конный торг», да и то потому, что госорганы несколько опоздали с закупкой лошадей, а их закупочные цены были ниже объективно сложившихся на рынке.

В русле борьбы с частниками Каркаринская ярмарка носила явно показательный характер. Целью такой позиции было привлечь непосредственных производителей сырья из Синьцзяна и отсеять посредников в лице китайского купечества. Однако при этом не принималась во внимание расстановка сил, сложившаяся в провинции, и отношение китайского населения к частной торговле. Поэтому подобная «показательность» настораживала китайское купечество, а дущюн, имевший свой интерес в торговле с Советским Союзом, закрыл границу, что в конечном итоге и привело к практическому срыву ярмарки. По этому поводу в сентябре 1924 года

Э. К. Озорнин писал в Политический отдел Среднего Востока НКВД: «...что делать расчет на большое оживление настроений Синьцзянского купечества в отношении наших ярмарок, собственно говоря, никакой надежды нет» [6, д. 286, л. 134 об.]. Необходимо отметить и тот факт, что ярмарка была открыта в условиях некоторой спешки, что помешало должным образом создать все необходимые условия для ее успешного проведения. Например, отмечалось отсутствие денежных средств у ярмарочного комитета, что не позволило ему организовать в полном объеме подготовительные работы по организации ярмарочных торгов. К началу открытия ярмарки он имел в распоряжении 300 рублей, которые были получены председателем комитета от частного лица. Деньги от государства в сумме 1000 рублей поступили лишь 13 августа, т.е. накануне закрытия ярмарки. По ориентировочной смете ярмарочному комитету было необходимо около 3 тысяч рублей [3, с. 1-2]. Ставился вопрос перед центральными органами власти и о продлении сроков работы ярмарки до 6 месяцев, чтобы успеть довести сведения о ней до всех заинтересованных лиц и особенно китайских купцов. Проанализировав итоги работы Каркаринской ярмарки, можно сделать вывод о том, что более эффективной ее работе в 1924 году помешал ряд причин:

- во-первых, отсутствие реальных налоговых льгот для участвовавших фирм;
- во-вторых, закрытие китайской границы со стороны Синьцзяна;
- в-третьих, прекращение переговоров в Урумчи по поводу заключения временного торгового соглашения с провинцией.

Эти обстоятельства в значительной степени сузили и ограничили базу ярмарки, придав ей, по сути, местный характер. Одной из основных причин срыва ярмарочного сезона 1924 года Каркаринской ярмарки стало отсутствие большого интереса к ней илийского купечества. Причем этот интерес отсутствовал как у крупных, так и средних держателей-поставщиков скота и сырья, которые ее практически проигнорировали. Крупное купечество уже имело непосредственные связи с торговыми центрами СССР, поэтому именно туда направляло свои товары и приобретало там же советские промышленные товары. Среднее купечество, хотя и вывезло определенное количество товаров на ярмарку, но приобретать товары, представленные советскими торговыми организациями, считало невыгодным вследствие их высоких цен. Поэтому торговля носила односторонний и невыгодный для советской стороны характер, когда за сырье и скот приходилось платить деньгами, а не продукцией своей промышленности, как это практиковалось в дореволюционный период. Не устраивало советскую сторону и количество поставленного товара и скота.

Таким образом, ярмарки в силу целого ряда традиционных коммерческих и технических причин играли и продолжали играть важнейшую роль в торговых операциях Синьцзяна и после Октябрьской революции теперь уже с Советским государством. Советская сторона была заинтересована в этой форме торговых отношений, о чем свидетельствовали проводимые ею мероприятия по оптимизации деятельности ярмарок. Правда, эти мероприятия были не всегда удачны, но наметившаяся тенденция на увеличение торговых оборотов свидетельствовала об определенных положительных сдвигах в советско-синьцзянской ярмарочной торговле. Однако говорить о значительном влиянии ярмарок на развитие торговли Советского Союза с провинцией Синьцзян в указанный период было бы преждевременно.

Список литературы

1. Бармин В. А. СССР и Синьцзян (1918-1941 гг.): региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул, 1998. 216 с.
2. Моглин З. Возрождение Каркаринской ярмарки // Народное хозяйство в Средней Азии. 1926. № 12-13.
3. Моглин З. Каркаринская ярмарка // Советская Степь. 1925. 3 июня.
4. Омский областной архив. Ф. 78. Оп. 1.
5. Перский С. Каркаринская ярмарка 1924 // Народное хозяйство в Средней Азии. 1926. № 2-3. С. 191-194.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 10.
7. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3.
8. Степная Правда. 1925. 9 апреля.
9. Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX - начале XX века: из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001. 500 с.

BORDER FAIR TRADE WITH CHINESE PROVINCE XINJIANG RESTORATION AT THE BEGINNING OF THE 20S OF THE XXTH CENTURY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Tamara Alekseevna Shemetova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of General History
Altai State Pedagogical Academy
m-ari-n@yandex.ru

The author considers the question of fair trade restoration in Soviet-Xinjiang border region at the beginning of the 20s of the XXth century by new source material and analyzes the role of fairs in trade restoration of the USSR and Chinese province Xinjiang.

Key words and phrases: fairs; the USSR; Xinjiang; trade.